

вписал своего старого друга Евоптия в списки декурионов. Синезий просит: „Возврати мне брата, который — знает бог — именно из-за этого находится в чужой стране. По крайней мере мне, который после стольких достигших меня испытаний нуждается в постоянном утешении, он не представляет никакого другого оправдания в своем отсутствии“¹.

Очевидно, Евоптий уехал из Киренаики в Египет, чтобы избавиться от декурионата и избежать разорительных обязательств, которые накладывало на него это звание. В этом же письме упоминается и теща Евоптия, которая сообразно закону (Cod. Theod., XII, 1. 16) обязана была выполнять повинности, оставленные ее зятем, и, кроме того, выплатить штраф за его бегство. Характерно, что Синезий, прося о снятии штрафа и об исключении Евоптия из списка декурионов, даже не интересуется тем, может ли это выполнить Исихий на основании римских законов, ярким защитником которых выставлял себя сам Синезий. Он исключительно взывает к старому товариществу и дням совместной учебы.

Время текло, и горизонт Синезия все более омрачался. Письмо 12 сообщает о смерти патриарха Феофила, который дал Синезию жену, потом поставил его в епископы. Зимой, повидимому в начале 413 г., умер последний его сын².

В этом положении Синезий еще раз обращается к Ипатии. Приведем последние письма к ней полностью. В письме 80 Синезий жалуется, что он потерял все свои связи и у него осталась старая дружеская связь с одной Ипатией.

„Если не всего меня судьба лишила, то сделала все, что могла. Она лишила меня многих прекрасных сыновей. Но желать всегда самого хорошего и помогать всегда обиженным — этого она никогда у меня не отнимет.

... „В древности были сильны милетяне“. Было время, когда и я мог принести пользу друзьям, и ты называла меня „чужим добром“, поскольку я щедро тратил свое влияние у сильных людей. Но теперь я лишен всего. Разве ты еще можешь что-либо сделать, так как и тебя вместе с добродетелью я считаю лучшим своим добром. Ты же всегда имела большое влияние и теперь имеешь, прекрасно пользуясь своим авторитетом. Поэтому пусть будет заботой всем тебя почитающим и частным лицам и властям, чтобы Никей и Филолай, добрые и прекрасные юноши, мои родственники, возвратились хозяевами своего имущества“³.

В письме 16 той же Ипатии Синезий говорит уже о своей болезни. „Распростертый на ложе, диктую это письмо и желаю, чтобы ты получила его здоровой, мать, сестра, учительница и чрез все это благодетельница. У меня же слабость тела вытекает из болезни духа. Меня постепенно убивает память об умерших детях. До той поры следовало жить Синезию, пока он не был затронут бедствиями жизни. Но они, как прорвавшийся поток, пронеслись быстро и унесли с собой всю сладость жизни. О если бы я перестал или жить, или помнить о смерти детей! Ты же будь здорова и обними блаженных товарищей, начиная от отца Феотекна и брата Афанасия, всех без исключения. Если ты проявляешь какую-нибудь заботу о моих делах, то хорошо поступаешь, а если нет, то и я о них ничуть не беспокоюсь“⁴.

¹ PG. t. 66, col. 1457.

² Ibid., col. 1433.

³ Ibid., col. 1452—1453.

⁴ Ibid., col. 1352.